

Глава 8. Опека

— Учебный год начался всего месяц назад, а я в школе уже в третий раз, — Линь Энь устало потерла лоб, запустив пальцы в волосы. Подумав о том, что от стресса они в последнее время выпадают пугающе часто, она тут же опустила руку. — Цзян Чжоу, сын мой ненаглядный, может, объяснишь матери, что происходит?

Цзян Чжоу, увлеченно втягивающий лапшу, первым делом замотал головой. Его верные друзья, сидевшие рядом, синхронно повторили этот жест.

Прожевав и проглотив очередную порцию, Цзян Чжоу наконец соизволил ответить:

— Мам, в этот раз честно — не я. Я даже пальцем никого не тронул! Посмотри сама: ни царапины, ни синяка. Я не то что не дрался, я их разнимать пытался!

— Тогда зачем классная руководительница вызвала меня в школу? — с сомнением прищурилась Линь Энь.

— Потому что она ко мне предвзята, — пробормотал Цзян Чжоу под нос.

— И с чего бы ей быть к тебе предвзятой? Она ведь только перевелась к вам, даже не успела изучить список твоих «славных подвигов».

— Ну, может, слухи дошли, — Цзян Чжоу, заметив, что тучи над головой матери сгущаются, отложил палочки. — Может, из-за того, что я ей прозвище придумал. Или из-за того, что на уроке лапшу быстрого приготовления ел. Но скорее всего — потому что она ведет английский.

— Сэнкью тичер, айм нот тайерд, — неожиданно выдал Ли Шу.

— Это на каком языке сейчас было? — Линь Энь страдальчески нахмурилась.

Ли Шу ткнул пальцем в сторону друга:

— Он на уроке заснул. Учительница спросила, не устал ли он, а он ей так и ответил. Ну, в смысле: «Спасибо, учитель, я не устал».

Линь Энь лишь молча прикрыла глаза.

Чжоу Сяодун, едва сдерживая смех, решил вступить за товарища:

— Тетя Линь, Цзян Чжоу правду говорит. Он не дрался. Это я вспылел, сцепился с

десятиклассником. Он честно пытался нас разнять, просто... не вышло.

На самом деле «честно разнимать» Цзян Чжоу не слишком спешил. Ему чертовски хотелось посмотреть, как Сяодун начистит кому-нибудь физиономию, поэтому поначалу он просто с интересом наблюдал за процессом. И только когда Сяодун начал сдавать позиции, он вмешался.

— Ладно, доедайте. Я пойду, — Линь Энь махнула рукой, не желая больше слушать их оправдания, и направилась к выходу.

Цзян Чжоу, наскоро дохлебав остатки лапши, бросился вдогонку.

— Мам! — он, запыхавшись, поравнялся с ней. — Ну ты чего, обиделась, что ли?

— Если бы я на тебя обижалась по каждому поводу, давно бы уже коньки отбросила. Просто эта ваша новая классная... из-за такой ерунды родителей дергать. Думает, нам заняться больше нечем? У меня и так голова кругом от дел, — вздохнула Линь Энь.

— Ого, не похоже на тебя — ворчать на учителей. Обычно для тебя их слово — закон. Что случилось? Плохо себя чувствуешь?

— Отвяжись, и так тошно, — отмахнулась она. — В этот раз прощаю, но смотри мне: в следующем месяце я уезжаю, так что веди себя тише воды, ниже травы. Отца тоже не будет. Если в школе опять затребуют родителей — пусть Цзян Куэй идет.

— Да знаю я, знаю, буду паинькой, — Цзян Чжоу обиженно выпятил губу и пнул придорожный камешек. — Ты... ты ведь в поселок Чжу поедешь?

Линь Энь замерла:

— Откуда ты знаешь?

— Случайно услышал твой разговор по телефону. Бабушке Цзян Си совсем плохо?

— Да. Боюсь, надежды почти нет, — Линь Энь помрачнела, но она тут же натянуто улыбнулась сыну. — Ладно, не бери в голову, не твои это заботы.

— А... — Цзян Чжоу замялся, подбирая слова. — А как там Цзян Си? С ним всё в порядке?

— Цзян Си? — Линь Энь удивилась. Раньше сын почти не вспоминал о нем, и она думала, что он давно забыл того мальчишку, который гостил у них. — С чего вдруг такой интерес?

— Да просто так спросил, — Цзян Чжоу поспешно отвел взгляд, скрывая беспокойство.

— Сама не знаю. У него же нет телефона, я только с его дядей созваниваюсь.

— Эх, несладко пацану приходится, — Цзян Чжоу тяжело вздохнул, подумав, что надо бы как-нибудь выкроить время и снова съездить в этот чертов поселок.

— Сынок, — Линь Энь остановилась и внимательно посмотрела на него. — Знаешь, в такие моменты мне кажется, что в тебе проснулось что-то человеческое.

Цзян Чжоу закатил глаза:

— Ой, забудь, это тебе показалось. Нет во мне ничего такого, я зомби, помнишь? Я же сказал — просто спросил.

— Странно только, что ты про родную сестру ни разу так «просто» не спрашивал.

— А чего про нее спрашивать? Она и так целыми днями перед глазами мельтешит. Характер у нее тот еще: палец поцарапает — воплей на всю округу. Лишний раз связываться не хочется.

Кто бы добровольно захотел такую капризную и взбалмошную сестру? Сплошная головная боль.

— Когда я уеду в следующем месяце, она останется на тебе. Как только твой отец закончит дела, он приедет ко мне в посёлок Чжу, и вернемся мы уже вместе, — Линь Энь похлопала сына по плечу. — Постарайся хоть на время стать любящим братом.

Состояние бабушки ухудшалось с каждым днем. Вскоре она перестала узнавать близких, а ее невнятное бормотание не мог разобрать никто.

Доктор Тань лишь с сожалением констатировала: медицина бессильна. Они сделали всё, что могли, теперь оставалось только ждать конца.

Цзян Си постоянно отпрашивался из школы. Иногда он появлялся на уроках всего раз в неделю, проводя всё остальное время в больничной палате. Учителя поначалу относились к ситуации с пониманием. Одноклассники приносили ему домашние задания, а пару раз их заносила даже сама классная руководительница.

В один из таких визитов учительница передала тетради Младшему дяде Цзян Си. Выразив

соболезнования по поводу здоровья старушки, она перешла к делу.

— Его не было в школе почти месяц, господин Цзян. Я понимаю, как важно сейчас быть с близким человеком, но учеба не должна стоять на месте. Тем более Цзян Си — мальчик выдающийся, он снова стал лучшим по результатам тестов. Я бы не хотела, чтобы он растерял свой потенциал. Как вы считаете, может ли он с завтрашнего дня вернуться к занятиям? — мягко спросила она.

Младший дядя согласно закивал:

— Да-да, учительница, я всё понимаю. Девятилетка — дело обязательное, нельзя прогуливать. Но вы же видите, в каком мы положении. Моя мать... она может уйти в любую минуту, — голос мужчины дрогнул, в нем послышались слезы. — Поверьте, если бы не крайние обстоятельства, я бы ни за что не оставил ребенка дома. Пожалуйста, войдите в наше положение.

— Разумеется, я понимаю, — учительница на мгновение замаялась. — Однако, господин Цзян, двое ваших сыновей тоже учатся в нашей школе. Насколько мне известно, они не пропустили ни одного дня.

— Э-э, ну... так они же бестолочи! — нашелся дядя. — У них оценки из рук вон плохи, им зубрить надо, им каждый час дорог. А наш Цзян Си, вы же сами сказали — первый в списке. У него таланта не убудет, он и сам со всем разберется. Так что за него не переживайте.

Учительница всплеснула руками:

— Нет-нет, господин Цзян, вы в корне неправы! Цзян Си умен, это так, но в его возрасте руководство учителя просто необходимо. Ребенку нужны дисциплина и направление, иначе...

— Учительница, послушайте, — перебил её дядя. — Мне нельзя надолго оставлять мать одну. Я пойду к ней, а тетради передам малому. Спасибо, что зашли.

Он уже собрался уходить, но вдруг вспомнил:

— Ах да, там мои оболтусы... хотя вы их, кажется, не ведете. Ну и ладно. До свидания.

Вернувшись в палату, он увидел Цзян Си, который безучастно листал комикс в углу. Дядя небрежно бросил тетради мальчику на колени:

— Ну и болтливая у вас классная.

Через несколько дней бабушка ушла.

Она умерла тихо, не оставив после себя ни единого слова. Видимо, клятву, данную когда-то — не признавать внука и не говорить с ним до самой смерти, — она сдержала до самого конца.

Тело перевезли в родной дом. В заброшенном, покрытом пылью главном зале установили гроб. По обычаю предстояло три дня бдения перед тем, как упокоить её рядом с дедушкой.

Людей на поминки пришло много. Первое время у жаровни сидел Младший дядя, отвешивая поклоны каждому гостю. Позже его сменил Цзян Си. Он стоял на коленях дольше всех, лишь к ночи уступив место Второму двоюродному брату.

Жар от горящих ритуальных денег обжигал лицо, но Цзян Си смотрел на пламя застывшим, ничего не выражающим взглядом. Краем уха он ловил шепотки родственников за спиной:

— Смотри, хоть бы слезинку проронил.

— Да откуда там чувствам взяться? Бабка его на дух не переносила, слова ему за всю жизнь не сказала.

— Ну, тогда и неудивительно. Видно, сама виновата.

— Да нет, не в ней одной дело. Ты просто не знаешь, что его мать вытворила... Ладно, не здесь об этом болтать, потом расскажу.

Смерть бабушки не вызвала в душе Цзян Си почти никакого отклика. Он и сам хотел бы чувствовать горе — в конце концов, это был человек, с которым он жил бок о бок столько, сколько себя помнил. Но врать самому себе было тошно.

Он не мог плакать.

Наверное, все слезы выплакал еще тогда, когда умер дедушка. А может, он и впрямь был пустым внутри.

«Хладнокровное животное», — горько усмехнулся он про себя. Вокруг столько людей, которые рыдают лишь потому, что бабушка когда-то оказала им мелкую услугу. Весь дом полнится стонами и плачем, а у него внутри — тишина. Ни тени сочувствия, ни малейшего порыва к слезам.

«Бабушка, продолжай меня ненавидеть», — подумал он, в очередной раз склоняясь в поклоне. Если при жизни ты меня видеть не желала, то и на небесах не меняй привычек. Мне всё равно.

Когда с похоронами было покончено, семья Цзян столкнулась с очевидным вопросом, который больше нельзя было игнорировать.

У стариков было четверо детей: три дочери и сын. Мать Цзян Си, третья по старшинству, давно умерла. Теперь, когда ушли и бабушка с бабушкой, судьба мальчика зависела от оставшихся родственников: Старшей тети, Второй тети и Младшего дяди.

Впрочем, Цзян Си понимал: куда бы его ни отправили, жизнь его от этого слаще не станет.

Трое взрослых устроились за столом в том самом зале, где еще недавно стоял гроб, и принялись обсуждать, кому достанется обуза. Цзян Си стоял поодаль, не проявляя ни малейшего беспокойства.

Опустив голову, он разглядывал свои белые кроссовки. Как бы бережно он к ним ни относился, они посерели, покрылись пылью, которую было уже не отмыть.

В этой жизни полно вещей, которые нам не подвластны. Обувь портится, а детей делают, как старое имущество. Цзян Си оставалось только ждать решения.

— Давайте я начну, — заговорила Вторая теть, сухопарая и низенькая женщина, нервно вертя в руках чашку. — К себе я его взять не могу, сами понимаете. У меня три девки на руках: одна в институте, две — школьницы. Муж на заводе пашет без продыху, света белого не видит. Я сама со следующего года на заработки в город собраться хотела, иначе мы просто не вытянем. Если еще и Цзян Си на меня повесить — кто за ним присматривать будет?

— Про меня и речи быть не может, — отрезала Старшая теть, которая развелась только в прошлом году. — Я в доме единственный взрослый. Свои два сорванца всю кровь выпили, а бывший алименты через раз платит.

Вторая теть усмехнулась:

— Ну, сестрица, не скромничай. Слыхала я, твоя забегаловка процветает. Неужто на кусок хлеба для племянника не хватит? Тебе же там вечно рук не хватает.

— Ты мне тут зубы не заговаривай! Какая еще «забегаловка»? Закусочная на семь мест, там и сесть-то негде! И ты, сестренка, на бедность не жалуйся. Твой-то на повышение пошел? Должность высокая, вот и занят. А старшая дочка твоя, говорят, сама подрабатывает, копейки у матери не просит. Так что собирай чемоданы и езжай в свой город за счастьем, не прибедняйся!

— Да кто тебе такие сказки рассказывает?!

— Хватит! — Младший дядя с силой придавил сигарету в пепельнице. — Мы все знаем, как у кого дела обстоят. Скажу прямо: будем брать его по очереди. Месяц у одного, месяц у другого.

«Вот оно что», — подумал Цзян Си. Вполне ожидаемо.

За столом воцарилось молчание. Дядя нетерпеливо постучал пальцами по столешнице:

— Ну? Что молчите? Лишние слова ни к чему, у каждого свои проблемы, так можно до утра жаловаться. Это решение будет честным по отношению ко всем.

— Гхм... насчет честности, — вдруг кашлянула Вторая тетья. — Братец, ты тут не совсем прав.

— Это еще почему? — дядя недобро покосился на неё.

— По закону опекун — ты. Мы к нему юридически никакого отношения не имеем, — она незаметно пихнула Старшую тетью под столом.

Та мигом подхватила:

— Точно! И не забудь: третья сестра при жизни в тебе души не чаяла. С самого детства за тобой как за писаной торбой бегала. Когда ты работать начинал, когда женился...

— Не поминай её! — яростно выкрикнул дядя и снова затянулся сигаретой, помрачнев.

Переговоры зашли в тупик.

Цзян Си продолжал стоять, опустив голову. Шея затекла, колени, разбитые за дни поклонов, ныли. Он уже подумывал тихонько ускользнуть на улицу, как вдруг Младший дядя взорвался. Он кричал о том, как он устал, и почему он один должен везти этот воз. Голос его был таким громким, что Цзян Си от неожиданности пропустил половину слов.

В следующее мгновение все трое вскочили с мест, как заведенные. Брызжа слюной, они наперебой голосили о своих тяготах и невзгодах, не стесняясь в выражениях, спорили, кто же должен кормить этого «несносного ребенка».

Как же шумно.

Цзян Си медленно развернулся, желая поскорее покинуть этот балаган, но не успел сделать и шага, как в дверях показались две фигуры.

Дядя Цзян и тетья Линь.

Цзян Си открыл было рот, чтобы поздороваться, но Линь Энь лишь мягко ему улыбнулась. Обернувшись к спорящим родственникам, она звонко перекрыла их крики:

— Я его заберу!

— Может, это звучит внезапно, но я давно об этом думала, — сказала Линь Энь мужу, когда они сели в машину. — Я хочу воспитать Цзян Си. Пусть опекуном официально остается его дядя, мне неважно, я просто хочу о нем позаботиться. Ты же слышал, что они несли? Как можно так обращаться с ребенком? Слово не существует, словно он — футбольный мяч, который они пинают друг другу. Я не смогла просто стоять и слушать.

— Но это серьезный шаг, — медленно произнес Цзян Бинлинь. — Если ты давно это планировала, почему не сказала мне раньше?

— Тебя вечно нет дома, ты в разъездах, а наши собственные сорванцы сводят меня с ума. Я хотела дождаться подходящего момента, чтобы мы всё спокойно обсудили, но когда его учительница пришла... — Линь Энь вздохнула. — Честно говоря, я сама сомневалась. Как ты и сказал, это не мелочь. Но сегодня я поняла окончательно: я заберу его к себе. Дорогой, я ведь рассказывала тебе о его ситуации, ты и сам всё прекрасно понимаешь, верно?

Цзян Бинлинь бросил взгляд в окно. Мальчик сидел в небольшом кафе неподалеку — такой маленький и одинокий.

— И ты бы видел его глаза, когда я это сказала. Они буквально вспыхнули. Когда я спросила, согласен ли он, он только и мог, что кивать, — Линь Энь невольно улыбнулась.

— Шаг и впрямь не из легких, но дело благое, — Цзян Бинлинь всё еще смотрел на Цзян Си. — Только учти, дома нас ждет серьезное препятствие.

— Знаю, — вздохнула Линь Энь. — Твой отец и так мной вечно недоволен. Одним «препятствием» больше, одним меньше — какая теперь разница.

<http://bllate.org/book/17532/1701254>